

КРУШЕНИЕ ДЖЕЙМСА БОНДА

АНТИЧНЫЙ Перикл в «Надгробном слове» утверждал, что лучшая женщина та, о которой меньше всего говорят. Современная реклама убеждена, что лучший актер тот, о котором говорят больше всего. О Шоне О'Коннери писали все газеты мира. Не в угоду рекламе говорю еще раз, ибо разговор этот не столько о самом Шоне, сколько о неодолимой победе истины в судьбе настоящего артиста.

Начала я с промаха. Никогда не нужно хвататься за ассоциации, лежащие под рукой. А я схватилась и сказала: «Добрый день, мистер экс-Бонд!». Он что-то промурчал в ответ и при этом поморщился.

Михаил Константинович Калатозов шепнул мне сокрушенно: «Вы совершили тактическую ошибку: он не любит говорить о Бонде». Но что делать — я ее совершила. Однако назавтра убедилась, что еще хорошо отделалась. Журналистам из американского телевидения досталось куда больше.

На съемки фильма «Красная палатка», который ставит Калатозов и в котором роль Амундсена играет Шон О'Коннери, явилась американская телевизионная группа. Журналист произнес заранее заготовленное приветствие: «Мистер Бонд, как вы чувствуете себя снова в России?» («Снова»: имелись в виду киноленты Джеймса Бонда. Шон у нас впервые.) В ответ на это американские телевизионщики были изгнаны Шоном со съемочной площадки.

Случилось так, что Шон О'Коннери в свое время сыграл Джеймса Бонда, пресловутого шпиона «007», супермена, которого ни пламя испепелить не может, ни воды поглотить не в силах.

Среди фильмов бондовской серии были творения

ского искусства. «Ни один человек не повлиял так решительно на мою жизнь», — вспоминает теперь Шон.

— Ты наивен, — сказал Хендерсон, — в футболе в тридцать лет ты труп. А для актера тридцать лет — пора истинных открытий. Но сейчас ты еще полуфабрикат, тебе не хватает образования, значит, мышления. Без осмысления искусства и жизни актера нет.

Началось все со списка литературы, составленного для самообразования О'Коннери. Первыми в длинном перечне необходимых книг значились «Моя жизнь в искусстве» Станиславского, его работы по актерскому мастерству. Дальше — Достоевский, Уайльд, «Жан Кристоф» Роллана. Листок этот, исписанный Хендерсоном, завел Шона в зал публичной библиотеки, где и оставил молодого актера на полтора года.

Лаконизм изложения следующего этапа жизни О'Коннери был определен в наших беседах им самим: «Я познакомился с продюсером «Бонда», он пригласил меня сниматься. Мои друзья и я воспринимали это как пародию. Я и старался сделать роль пародийной. От последнего фильма серии отказался — мне Бонд осточертел. Продюсер был поражен: отказаться от таких денег!».

Восемь месяцев Шон не работал. Потом снял документальный фильм о докерах реки Клайд. Безработица и по сию пору лихорадит доки и верфи Клайда. Вместе с портюками, с работниками профсоюзов Шон искал в своем фильме выход.

Может показаться странной такая профессиональная трансформация О'Коннери.

Шон О'Коннери в роли Р. Амундсена

столь же низкопробные, сколь и антисоветские, например «Из России — с любовью».

Сегодня Шон говорит о Бонде: «Ничего у него нет — ни биографии, ни родственников, ни убеждений. Его слепили из английских представлений о сильной личности, просто механически склеили». Но что общего у такого гомункулуса, выращенного в колбе нешибко богатого воображения Флеминга, с Шоном?

Шон с восьми лет развозил молоко по разным кварталам Эдинбурга. Здесь он ремесел сменил не пересчитать. Даже был полировщиком гробов.

Его всегда одолевало желание куда-то уйти, поменять работу, образ жизни. Поэтому он и завербовался на флот, подписав контракт на двенадцать лет. Через три года его списали: открылась язва желудка. И опять начался калейдоскоп профессий.

После возвращения в Лондон он поступил «на выходы» в американский театр-мюзикл. Платили мало, настоящих ролей не было.

Больше повезло в Оксфорде: там были и театральные роли значительнее, и на телевидении он играл по два спектакля в год. Тогда же и подвернулась роль, определившая, видимо, жизнь Шона О'Коннери. Роль боксера — 100 страниц диалога, не мелкие реплики! — в телевизионной передаче.

Посыпались предложения, среди них и предложение... стать профессиональным футболистом. Ложет быть, этот соблазн и победил бы в состязании противоречивых устремлений Шона, если бы не Роберт Хендерсон, американский актер и режиссер, бросивший по политическим убеждениям Соединенные Штаты, истый поклонник рус-

Нет. То же стремление «уйти» вело его. Но теперь не от какого-то этапа жизни, а в жизнь, истинную жизнь со всеми проблемами неустраоенного мира.

Именно эти поиски истинности определяют следующую работу О'Коннери — шекспировского «Макбета».

Роль Амундсена для Шона — отстаивание правды людского величия. Она в благородстве одного из последних могиан эпохи Великих открытий, способного жертвовать жизнью во имя людей, во имя общества.

Приятно отметить, что миссия такого утверждения принял на себя именно советский фильм. Было бы опрометчивым заявить, что Шон постиг Россию и все понял здесь: у него было слишком мало времени. Но он, по его словам, проникся глубокой симпатией к ее людям, он жаждет контактов, в которых видит залог понимания, а значит, мира.

Когда мы вместе были в Ленинграде и перед нами вставала похожая на каменный орган колоннада Казанского собора, врезанный в голубизну золотой шлем Исаакия, стремительный пассаж улицы Росси, Шон сказал: «Все время думаешь: ведь это построено на болотах, но на века. Человеческий дух безграничен. Нет ничего более достойного уважения и восхищения, чем человек».

«Макбета» он хочет снимать совместно с советскими кинематографистами. Он уже все продумал.

Агент «007» замышлялся Флемингом неодолимым. Я присутствовала при его крушении: натужное суперменство беспомощно рухнуло перед всеильностью чела вечности.

Галина ШЕРГОВА